

**ИСТОКИ «ОНТОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА» П. А. ФЛОРЕНСКОГО:
ИМЯ И МИФ**

*Работа представлена кафедрой зарубежного искусства
Санкт-Петербургского государственного академического института
живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина.
Научный руководитель - кандидат искусствоведения, доцент А. В. Степанов*

В трудах П. А. Флоренского понятие «онтология творчества» является центральным и в силу этого положения сопряженным со многими, столь же важными по достоинству понятиями: «целое», «форма», «символ», «лик», «имя». Оставаясь терминами-понятиями, они одновременно являются универсальными способами познания. Эта статья является попыткой осмысления «онтологии творчества» через «имя» и «миф».

The «ontology of creativity» concept is central to P.A. Florenskii's works and, hence, it has close ties with other concepts of similar importance and value, such as «whole», «form», «symbol», «image» and «name». Though remaining concepts, they are also forms of cognition. This article is an attempt to understand and interpret «the ontology of creativity» through «name» and «myth».

Когда же он шел и приближался к Дамаску,
Внезапно осиял его свет с неба;
Он упал на землю и услышал голос, говоривший
ему: Савл! Савл! Что ты гонишь меня?

Деяния апостолов, 9:3,4

В главе, посвященной имени Павел, своего оноματοлогического труда «Имена» П. А. Флоренский сетует, что «в исто-

рии почти любое другое имя всегда имеет несколько представителей его, приблизительно одного исторического веса». Имя же

Павел «в сознании всех народов, христианских и... нехристианских... неотделимо от Апостола языков; с исключительной силой он прочеканил это имя сообразно своей личности, и среди имен, пожалуй, не найти другого, столь же тесно связанного с определенным носителем его». К тому же «во всей истории не появилось носителя этого имени, хотя бы приблизительно равносильного Апостолу, и все исторические Павлы пред личностью Апостола обесцвечиваются и ускользают из памяти... Таким образом, история имени Павел начинается с Апостола»¹.

Апостол, однако, дает не только начало истории имени Павел. Имя - тип личности, «тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность»², символ личности. Символ, получивший «глагольный предикат», ставший субъектом действия, героем драмы, в согласии с известной трактовкой Вячеслава Иванова, есть миф³. Отсылкой к конкретному представителю имя Павел распространяется до мифа.

Обращение к имени-мифу как способу интерпретации явления - в данном случае личности русского мыслителя и онтологизма его творчества - далеко от комплиментарное™ современным мифологическим и семиотическим концепциям (Р. Барт, Ю. Лотман, Б. Успенский). П. А. Флоренского действительно сложно осмыслить в рамках какой-либо исторической традиции.

Войдя прочно в состав русских философов Серебряного века - все классические «Истории»: Н. О. Лосского, В. В. Зеньковского, Г. В. Флоровского - содержат очерки-главы о Флоренском, - он, по верному замечанию С. С. Хоружего, относится скорее к явления «периферийным, маргинальным по отношению к некоему центральному руслу»⁴ русской истории. Впервые выступив как православный богослов в 1914г. с книгой «Столп и утверждение Истины», П. А. Флоренский в том же 1914 г. был обвинен Н. А. Бердяевым в александризме, что равно - в неоплатонизме, а его право-

славию было названо стилизованным⁵. Справедливо называя поиски влияния на Флоренского «неблагородной задачей», С. М. Половинкин делает единственное исключение - Московская философско-математическая школа⁶. Но занятия физикой и математикой никогда, даже в гимназические годы, не носили у Флоренского ни прикладного, ни чисто теоретического характера. Занятия математикой - аритмологией, монадологией, теорией множеств - стали формальной основой его философствования, целью которого Флоренский считал поиск «основ общечеловеческого мирозерцания». Можно говорить о Флоренском-символисте вне русского символизма, Флоренском-искусствоведе, Флоренском-филологе, Флоренском-математике, физике и т. п. Это творческое «всеприсутствие»⁷ мыслителя приводит к тому, что исторически место Флоренского оказывается везде и нигде. Не укладывающийся полностью в категории исторические, феномен Флоренского без натяжек коррелируется именем-мифом.

История жизни, деяний и наследия апостола Павла за почти двухтысячелетний период подверглась мифологизации⁸, т. е., по терминологии Р. Барта, приобрела «полую форму»⁹, смысл которой лишается своей случайной конкретности. Но могущество мифа заключается в том, что «форма не уничтожает смысл, она лишь обедняет его и отодвигает на второй план. История, которая сочтена из формы мифа, целиком впитывается концептом»¹⁰ (означаемое).

Мифологема «Апостол Павел» общепризнанна. Но стали мифологизированный апостол Павел концептом персонального мифа о Павла? Выделенная Бартом в качестве «фундаментального свойства мифологического концепта»¹ предназначенность предполагает его (концепта) принудительность: «В Павле материал личности необходимо быть плотным и крепким, а все те Павлы, в которых этого не оказалось, разрушаются... и просто перестают существовать»².

Осмысление онтологизма жизни и творчества П. А. Флоренского через имя-миф является основой для рассмотрения любого частного вопроса его наследия - философии, богословия, математики, искусствоведения, физики, филологии. Без этой основы все перечисленные области знания останутся лишь традиционными специальностями; с этим основанием их статус повышается - они становятся «путями к будущему цельному мировоззрению» - задача, поставленная о. Павлом в качестве жизненной. Понять эту задачу можно, лишь исходя из целого, которое имел в виду Флоренский, и целого, к которому он стремился. Из «микрокосма» к «макрокосму», которые есть одно. Задача, совпадающая с апостольской - быть «избранным сосудом»¹³.

Для осмысления мифологем «апостол Павел» и «отец Павел» воспользуемся в самых общих чертах отечественным опытом структурного описания мифа¹⁴.

Конструкция мифа имеет четыре сюжетных блока:

1. Апостол Павел и отец Павел до «призвания».
2. «Призвание».
3. Деяния и трагическая гибель.
4. Судьба наследия.

Взяв мифологему «апостол Павел» как форму - по Р. Барту, «полую форму», - остановимся более распространено на персональной мифологеме отца Павла.

Савл, будущий апостол Павел, был воспитан в строгом еврейском обычае. Его родители принадлежали к партии фарисеев. Он получил прекрасное образование и отличался обширной ученостью. Со временем Савл становится вождем иудеев.

Установка семьи Флоренских, где Павел был старшим ребенком, - «воспитать ум чистым от пережитков человеческой истории - на научном мировоззрении. Всему находилось объяснение в духе натурализма - насквозь понятное и схематически простое. При этом подчеркивалась строгая за-

кономерность всех явлений природы и их непрерывность»¹⁵. Не только церковь и религия были запретными темами в доме инженера-путейца А. И. Флоренского, эти темы не осуждались и не обсуждались; но даже сказки детям не рассказывались и сказочные книги не покупались. Павел же был чрезвычайно впечатлительным ребенком. Южная природа - а детство Флоренского прошло на Кавказе - волновала его до экзотического состояния. Цветы, скалы, море - все это жило своей таинственной жизнью - ребенок ощущал ее всем своим существом. «Желая обезопасить меня от «мистики», родители на деле работали в другую сторону...»¹⁶

Гимназическое образование Павла носило весьма своеобразный характер. Один из первых учеников гимназии, он пребывание в ней считал тратой времени - школьная математика и физика - а именно этими науками он «жил» в это время - казались ему плоскими и не отвечающими существу дела. Соорудив свой собственный понятийный и опытный инструментарий, Павел дни напролет проводил в опытах, в основном физического характера, и в математических построениях.

Но как в апостоле Павле иудаизм потерял своего вождя, так и в Павле Флоренском естественно-научная мысль позитивизма - «религии» второй половины XIX в. - потеряла выдающегося ученого. Важным, на наш взгляд, фактором этих двух «потерь» было кризисное состояние иудео-языческого мира в I в. н. э. и позитивистского знания на исходе XIX столетия. К последнему обстоятельству в силу его особой важности мы еще вернемся.

Текст «Воспоминаний» П. А. Флоренского, содержащий описание его таинственного «призвания», произошедшего в одну из ночей лета 1899 г., является почти калькой текста 3-4 стихов главы 9 «Деяний апостолов»: «Пробуждение было подобно электрическому удару... Этот толчок вполне разбудил меня. Таким же порядком он

выбросил меня из постели во двор... Я стоял во дворе, залитом лунным светом... От него хотелось скрыться в тень, но властная сила удерживала на месте. Мне было жутко оставаться в потоках лунного серебра... Тут-то и произошло, ради чего я был вызван наружу. В воздухе раздался совершенно отчетливый и громкий голос, назвавший дважды мое имя: «Павел! Павел!»¹⁷.

Идентичны не только «призвания», но и ближайшие следствия - почти физиологического характера - исцеленная позже по молитве Анании слепота Савла и преодоленная в книге «Столп и утверждение Истины» «немота» Флоренского. Последнее, на наш взгляд, очень важно для понимания места в творчестве П. А. Флоренского книги «Столп и утверждение Истины», которой он занял прочное место в русской религиозно-философской мысли. Для Флоренского эта книга была именно преодолением духовной немoty: «Я судорожно держался физики... по ясному сознанию, что никакой другой словесной одежды у меня нет, и что откажись я от этой, то должен буду остаться вообще без мысли»¹⁸. Эта книга - не есть книга традиции, а именно так ее восприняли современники. Эта книга - обретение нового, доселе неведомого автору языка, в той совокупности богословия, философии, математики, лингвистики, каковым он будет пользоваться впоследствии - в своей «миссионерской» деятельности¹⁹.

Переходя к следующему сюжетному блоку мифологем «апостол Павел» и «отец Павел» - деяния и трагическая гибель, следует отметить, что к характеру истины, обретенной Флоренским после призвания, мы еще вернемся.

Получив призвание совершенно определенного характера - апостольское служение, - Флоренский внешне, самими фактами своей биографии - нивелирует в себе все личностное: рукоположение в священники, таинство брака и семейной жизни, служение, оставаясь священником, новой власти

после революции 1917 г., череда ссылок до гибели в 1937 г. Это очищение личностного отказ от всего индивидуально-психологического, есть создание условий для самоотверженной «миссионерской» деятельности. Так и апостол Павел, забыв себя, от обращения до насильственной смерти в 65 г. обходит с миссией огромный ареал, вряд ли сравнимый с кем-либо из апостолов по охвату.

«Миссией» о. Павла было не ежедневное пастырское служение в скромной церкви Красного Креста в Сергиевом Посаде - бытовое православие было всегда чуждо Флоренскому²⁰, - это была возможность «хождения пред алтарем» - общения с Богом. «Миссией» Флоренского была научная деятельность, не сравнимая ни с кем из «апостолов науки» по охвату. «Взорвать» изнутри каждый вид научного знания, пользуясь его же понятийным аппаратом и методами, и перевести на другие рельсы, «изменить знак умственной деятельности»²¹, дабы использовать их как мосты - «пути к будущему цельному мировоззрению». Такая «смена знака умственной деятельности» произошла и с самим Флоренским, равно как фарисей Савл стал христианским апостолом Павлом. Но это не значит, что математик Флоренский стал богословом Флоренским. Это значит, что «последний человек Нового времени» Флоренский стал первым человеком «наступающего Средневековья»²². Поясним это, вернувшись, как обещано, к двум оставленным неразвитыми положениям - характер кризиса конца XIX в. и характер истины, открывшейся Флоренскому в его таинственном призвании.

Кризис, разрешившийся началом христианской эры, носил не только преимущественно, но и всецело религиозный характер. Будучи и прежде религиозным вождем, апостол Павел таковым остался и впоследствии. Кризис конца XIX в. был прежде всего кризисом классической философии и естественнонаучного знания, основой кото-

рых была идея непрерывности. Исследователь творчества Флоренского С. М. Половинкин выделяет следующие черты аналитического (непрерывного) мирозерцания:

- непрерывность явлений во времени и пространстве;
- постоянство и неизменность их законов: все законы природы выражаются непрерывными функциями от пространственно-временных координат;
- возможность понять целое в его элементарных обнаружениях;
- возможность определенно обрисовать явление для всех прошлых и предсказать для всех будущих моментов времени²³.

Неспособное «объяснить действия индивидуальности, обладающей свободой и способностью целеполагания»²⁴, аналитическое, основанное на идее непрерывности, мировоззрение в конце XIX в. переживает глубокий кризис. Своего рода «пророками» этого кризиса можно назвать немецкого математика и философа XVII-XVIII вв. Г. Лейбница, творца монадологии, и русского математика XIX в. Н. А. Лобачевского, создателя неевклидовой геометрии, изменившего представления эвклидово-кантовой системы пространства как «абсолютного, плоского, гомогенного и инертного, всегда одного и того же в любой точке»²⁵. Разрешение кризиса определяется прежде всего открытием специального принципа относительности А. Эйнштейном (1905 г.), созданием теории множеств Г. Кантором и аритмологии Н. В. Бугаевым. Гимназист Флоренский находился именно на этой «горячей линии» своего времени. Называя себя «последним человеком Нового Времени», о. Павел подчеркивает органическую слитность с ним - «возрожденская научность была не внешним придатком и не оперением, а второй натурой, и ее истинный смысл я понимал не потому, что научился от кого-то, а знал непосредственно, как свои собственные желания... Вот почему именно во мне, когда возрожденство было форсировано и доведено по последнего напряжения,

произошел и взрыв всех этих замыслов. Я был взращен и рос как вполне человек Нового времени; и потому ощутил себя пределом и концом Нового времени; последним (конечно, не хронологически) человеком Нового времени и потому первым - наступающего Средневековья»²⁶.

Но почему тогда начало века НТР названо наступающим Средневековьем? Почему несопоставимое по «мыслительной стремнине»²⁷ даже со скачком от исторического Средневековья к Возрождению, начало XX в. Флоренский вновь называет Средневековьем, тем самым в нашем сознании отбрасывая его далеко назад, в глубь веков? Почему после математического факультета Московского университета, где его оставляли на кафедре математики, Флоренский поступает в Духовную академию, защищает магистрат в области богословия и принимает архаическое священство? Ответы на эти вопросы, на наш взгляд, кроются в сущности научных открытий начала XX в. Специальная теория относительности приведет не только к расцвету астрофизики и космологии, но и к открытию существования «так называемых черных дыр, с которыми имеют дело и теоретически, и практически»²⁸ современные космологи и которые были теоретически просчитаны при помощи мнимых чисел П. А. Флоренским в его работе, опубликованной в 1922 г., «Мнимости в геометрии». На следствие действий с мнимыми числами указал еще Лейбниц в 1702 г.: «Мнимые числа - это прекрасное и чудесное убежище Божественного духа, почти что амфибия бытия с небытием»²⁹. То, с чем практически столкнулись современные космологи, уже было осмыслено в истории человечества в «Аристотеле-Птолеме-Дантовом миропредставлении, которое наиболее закончено выкристаллизовано в «Божественной комедии»³⁰.

Аритмология - теория прерывных функций - и монадология, обогащенная идеей прерывности, ставшие основой нового научного мирозерцания, были относимы их

автором (Н. В. Бугаевым) по сути к древней мудрости: «Ты все расположил мерою, числом и весом» (Премудрости Соломона, 11:21) и к пифагорейскому: «Все есть число»³¹. Перечисляя связанные с монадологией и аритмологией открытия современной ему физико-математической науки в работе «Пифагоровы числа» - первой части обширного труда «Число как форма», - П. А. Флоренский делает вывод, что «современная мысль возвращается к кшанам, моментам, чертам, мгновениям и т. п. древней и средневековой философии»³².

Аксиологический (ценностный) аспект аритмологии был подчеркнут еще Н. В. Бугаевым - аритмология (прерывность) - основа мирозерцания грядущего века. П. А. Флоренский аксиологический аспект обогащает телеологическим - ценностная ориентация мировоззрения становится целью его деятельности. Форма такой деятельности была также уже осмыслена в истории человечества в теургическом и культовом служении. И Флоренский сознательно принимает эту форму.

Целью ценностно ориентированного мировоззрения на начальном этапе его становления являлось соединение «человечности и научности», разобщение которых о. Павел называл «характерной болезнью всей новой мысли»³³. «Бесчеловечная научная мысль - с одной стороны, безмысленная человечность - с другой»³⁴. Соединение их - суть открывшейся Флоренскому в призвании Истины. «Истина всегда была дана людям, и она не есть плод заучения какой-нибудь книги, не рациональное, а гораздо более глубокое построение, внутри нас живущее, - то, чем мы живем, дышим, питаемся. А все те или иные способы выражения ее могут быть ценны или вредны. Но это - уже надстройка над Ней, нечто вторичное. Следовательно, все построения мыслителей были причастны Истине, раз человечество состояло из людей... А раз все эти построения, с одной стороны, не шелуха, а с другой - все они имеют значение вре-

менное, то это есть сразу и одежда, и тело; и шелуха, и ядро; и не оно, и оно, и больше чем оно. Все эти учения были символами, истинными для их творцов, а для других - мертвой одеждой... Понятие символа - это всякое живое миропонимание, которое нам нужно для себя, семьи, друзей, а не для кабинета, кафедры и так далее, все это может быть только символичным»³⁵.

Истина - ноумен, идея, которая воплощается, проявляется в феноменах творческой деятельности человека - в науке, искусстве, философии, технике.

И онтологизм творческой деятельности человека в том, что ее плодами символизируется Истина. Ее временной характер не меняет ее сути: отрицая сегодняшним вчерашнее, она не исчезает. Исчезновением истины грозит ее непроявленность. В этом Флоренский видит основной закон мира - закон энтропии (Хаос). Миру противостоит закон эктропии (Логос)³⁶. Условие осуществления закона эктропии, противостоящего Хаосу, есть наличие в мире «непостижимо сложного», «высокоорганизованного»³⁷ существа - человека.

В уже не единожды упоминаемой нами статье С. М. Половинкина «П. А. Флоренский: Логос против Хаоса», автор объединяет взгляды Флоренского на оппозицию «энтропия - эктропия» с идеями Пьера Тейяра де Шардена, развитыми им в книге «Феномен человека». Суть этих общих, независимых друг от друга идей сводится к следующему: в силу действия закона энтропии мир обречен на деградацию; но в мире есть непостижимо сложное - человек; следовательно, в основании этого непостижимо сложного лежат силы, находящиеся вне мира³⁸. Будут ли эти силы относимы к Вселенскому Разуму, Яхве или Единосущному в трех ипостасях, но наибольшим эктропическим потенциалом обладает ориентированная на абсолютные, внемирные ценности деятельность человека. В этом закон сохранения человека как высшей ценности.

Исторически осмысленная в теургическом и культовом служении, ценностно ориентированная деятельность является онтологическим основанием любой деятельности человека. Этот вывод, сделанный нами не столько на основании трудов П. А. Флоренского, сколько на основании его жизнедеятельности, данной через имя-миф, возводит принцип «онтологии творчества» в универсальный способ познания

любого продукта творческой деятельности человека.

В судьбе наследия - последнем сюжетном блоке мифологем «апостол Павел» и «отец Павел» - отметим итоговый этап: Книга и книги - бесценные дары творчества, обладающие мощным эктропическим зарядом, кристаллы пневмосферы³⁹, обращение к которым является залогом проявленности Истины.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Флоренский П. А. Имена. М., 1993. С. 220.
- ² Там же. С. 26.
- ³ Иванов В. Борозды и межы. М., 1916. Цит. по: Флоренский П. А. Pro et contra: Антология. СПб., 1996. С. 527.
- ⁴ Хоружий С. С. Философский символизм П. А. Флоренского и его жизненные истоки // П. А. Флоренский. Pro et contra. С. 557.
- ⁵ Бердяев Н. А. Стилизованное православие // Флоренский. Pro et contra. С. 266.
- ⁶ Половинкин С. М. П. А. Флоренский: Логос против хаоса // П. А. Флоренский. Pro et contra. С. 625.
- ⁷ Исупов К. Г. Павел Флоренский: наследие и наследники // П. А. Флоренский. Pro et contra. С. 18.
- ⁸ Аверинцев С. С. Апостол Павел // Мифы народов мира. М., 1989. Т. 2. С. 273.
- ⁹ Современный философский словарь. М.; Бишкек; Екатеринбург, 1996. С. 301.
- ¹⁰ Там же. С. 301.
- ¹¹ Там же. С. 301.
- ¹² Флоренский П. А. Сочинения: В 4 т. М., 1999. Т. 3 (2). С. 310.
- ¹³ Библия. Новый Завет. Деяния апостолов, 9:15.
- ¹⁴ Сегал Д. М. Опыт структурного описания мифа // Труды по знаковым системам // Ученые записки ТГУ. Вып. 181. Тарту, 1965. С. 150-158.
- ¹⁵ Флоренский П. А. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. М., 1992. С. 162.
- ¹⁶ Там же. С. 219.
- ¹⁷ Там же. С. 215.
- ¹⁸ Там же. С. 219.
- ¹⁹ О применении «философско-математического синтеза» см.: Половинкин С. М. Указ. соч. С. 641.
- ²⁰ Священник А. В. Ельчанинов. Из встреч с П. А. Флоренским // П. А. Флоренский: Pro et contra. С. 33-42.
- ²¹ Флоренский П. А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. С. 242.
- ²² Там же. С. 218.
- ²³ Половинкин С. М. Указ. соч. С. 626.
- ²⁴ Там же. С. 626.
- ²⁵ Раденович Д. Искусство-разум - наука: Дис. на соис. учен. степени д-ра философ, наук. [Рукопись]. М., 1997. С. 48.
- ²⁶ Флоренский П. А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. С. 217-218.
- ²⁷ Флоренский П. А. Пифагоровы числа // Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 504.
- ²⁸ Антипенко Л. Г. Истинность, ценность, красота // Социально-культурный контекст искусства. М., 1992. С. 44-45.
- ²⁹ Там же. С. 195.
- ³⁰ Флоренский П. А. Мнимости в геометрии. М., 1922. С. 44-45.
- ³¹ Половинкин С. М. Указ. соч. С. 626.
- ³² Флоренский П. А. Пифагоровы числа. С. 635.
- ³³ Флоренский П. А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. С. 217.
- ³⁴ Там же. С. 217.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

---

³⁵ Там же. С. 511.

³⁶ *Флоренский П. А.* Флоренский Павел Александрович: Автобиографическая статья // П. А. Флоренский. Pro et contra. С. 645.

³⁷ *Половинкин С. М.* Указ соч. С. 645.

³⁸ Там же. С. 645.

³⁹ *Флоренский П. А.* Письмо В. И. Вернадскому // Собр. соч.: В 4-х т. М., 1999. Т. 3 (1). С. 451.